

Валерий КАЗАКОВ (РОССИЯ)

Родился в 1955 г. в селе Русский Турек Уржумского района Кировской области. Рассказы печатались в журналах: «Бежин луг» (Москва), «Подъём» (Воронеж), «Южная звезда» (Ставрополь). Автор пяти книг прозы. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Светлые души» им. В.М. Шукшина (2014). В 2016 г. получил первую премию областного общественного движения «За возрождение Урала» (Челябинск) в номинации «современная проза». В 2017 г. рассказы В. Казакова вошли в шорт-лист международной литературной премии им. И. Бабеля. Член СП России.

БУДКА

Как-то ночью ко мне пришёл пьяный друг и предложил очередное сумасбродство.

– Давай будку в лесу построим.

– Для чего? – удивлённо переспросил я.

– Как ты не понимаешь, – начал он воодушевлённо, потом вдруг остановился, строго посмотрел на меня и спросил: – Неужели ты не хочешь в лесу отдохнуть? Чтобы тебе никто не мешал, никто тебя не беспокоил. Чтобы ты встал зимой на лыжи, дошёл до леса, печку в будке затопил и посидел там возле окна. Один.

– Ну, пришёл, посидел, и что дальше?

– Это же природа! Как ты не понимаешь? Я для этой будки уже всё припас. Доски, бруски, гвозди. Только строй, не ленись.

– До леса это всё ещё надо доставить, – возразил я. – Лес-то не рядом. Он за рекой.

– Ну и что? Зато у нас с тобой, если всё получится, будет своя будка. Представляешь! Какое никакое, а жильё. В будке – сухо и тепло. Печка топится, дрова в ней потрескивают. В любое время можно будет там отдохнуть ото всех.

– От кого, ото всех? – снова спросил я.

– От жены, от тёщи, от забот домашних. Я второй год на пенсии, но на месте ещё не сидел. Всё в работе. Всё должен кому-то за что-то.

Володя в сердцах провёл ребром ладони по горлу. Шея у него была мощная и короткая. Лицо от возбуждения красно. В общем, этот жест у него получился не столько красноречивым, сколько пугающим.

– Вот как всё надоело! А была бы будка в лесу – может, и жизнь моя сложилась бы по-другому... Когда дома один целыми днями – голова идёт кругом.

– От чего? – удивился я.

– Да как от чего? Отдохнуть по-человечески хочется. Юность вспомнить... Я в юности много путешествовал. Где только не был. На байдарке спускался по северным рекам. В Карелии был, на Байкале, на Северной Двине. Везде хорошо, а на Вятке всё равно лучше.

– Почему?

– Даже не знаю, – в задумчивости проговорил Володя. – Просто родился здесь, наверное. Здесь и умру где-нибудь в лесу... Но если будет своя будка, я ещё поскриплю. Сила у меня ещё есть. Надо только будку построить. Можно ведь сделать будку в виде землянки. Чтобы на половину в земле была. Тогда материалов много не надо. Дня за два, за три, если вдвоём за работу взяться, можно слепить хижину, пока дожди не пошли.

Володя замолчал, потом в сердцах стукнул себя по колену.

– Кого не просил – никто не хочет помочь. Никто! У всех находится какая-нибудь отговорка.

От волнения он даже встал. Подошёл к окну, потом вернулся обратно. Его внушительная фигура предстала передо мной в новом ракурсе. Сейчас одна рука его была за спиной, а другая решительно приподнялась, изображая готовность к какому-то важному жесту.

– Вот она матушка Россия! – зло проговорил он. – Поболтать, покритиковать, посоветовать чего-нибудь – у нас все мастера, а как до дела доходит – так никого рядом нету. Пусто! Народу много, но каждый сам по себе. Всяк в своей норке. И не суйся к нему, нето укусит... Вот от этого и живём плохо. Нет у нас сочувствия друг другу. Нет понимания... Даже ты меня не понимаешь.

– Понимаю, – скороговоркой выпалил я, чтобы не раздражать человека. – Тебе хочется уединиться. Укрыться ото всех на какое-то время...

– Нет, – перебил меня Володя.

– А чего же тогда? – не понял я.

– Погружения мне хочется.

– Куда это?

– В созерцание природы... Как ты не понимаешь! Это же не просто отдушина от забот житейских – будка-то. Это такое место, где ты становишься другим. Ты видеть начинаешь по-другому, по-другому ощущать, чувствовать.

Володя многозначительно посмотрел на меня. Немного помолчал, а потом продолжил:

– Я всю жизнь трудился, каждый день с утра до вечера. Могу же я отдохнуть, как хочу, как мне нравится... Вот ты не понимаешь, а я, когда в лесу дует ветер – слышу в этом шуме плеск прибоя. Как будто я на берегу моря нахожусь. Стою и слушаю. Лес – это стихия...

Володя закурил, стряхнул пепел куда-то на конец огромного кирзового сапога и со вздохом продолжил:

– А дома-то чего? Телевизор да радио с утра до вечера. Одна говорильня. Чужие дела, чужие проблемы. Для чего мне всё это, сам посуды? Я хочу жить своей жизнью, своей головой. Сколько ещё мне осталось – кто его знает. Хочется какое-то время побыть наедине с

природой. Встать рано утром, одеться по-походному, собрать провиант и отправиться в путешествие до своей лесной будки. Зимой – по снегу на лыжах. Осенью – по опавшей листве. Прийти, дров нарубить, затопить печь... Что может быть лучше... А дома-то что? Сиди целый день и слушай по телевизору о том, что в мире делается. Какие проблемы в Евросоюзе. Что происходит на фондовых биржах... Про Россию я уже не говорю. Заранее знаю, что ничего хорошего у нас не делается. Всё плохо. Всё к упадку пришло.

Он опять на секунду замялся, глядя куда-то в сторону, а потом вдруг спросил:

– Вот ты, например, всем доволен, что ли?

И тут только я осознал, что мне порой тоже хочется сбегать куда-нибудь от своей скучной и однообразной жизни к чёртовой бабушке. С годами в душе копится раздражение, а счастья не достаёт. Беспричинной весёлости не хватает. Своей работой я недоволен. Недоволен тем положением, которое занимаю в обществе. Видом своим недоволен, костюмом, стрижкой. Я вздрагиваю, когда мне звонит мой непосредственный начальник, а после с тоской осознаю, как надоело мне исполнять чужие поручения... Но ничего не поделаешь. Жизнь есть жизнь. Пока жив – надо работать. Когда я был помоложе, мне почему-то казалось, что со временем у меня будет всё. Я доберусь до вершин, научусь зарабатывать приличные деньги, начну путешествовать. Приобрету дорогое жилье, куплю престижную иностранную машину. В зрелые годы мне очень хотелось походить на Хемингуэя. Делать только то, что нравится, чтобы жизнь казалась сплошной фиестой. Но вот я уже в годах, уже седина появилась на висках, а положения в обществе как не было, так и нет. Денег – тоже. Не говоря уже о путешествиях.

Я путешествую из деревни в город, где моя дочь приобрела квартиру в кредит. И сейчас все деньги, которые я кое-как добываю, уходят туда. Наверное, люди делятся на тех, кто зарабатывает, и тех, кто тратит. Я всегда относился к первой категории и вряд ли когда-нибудь перейду во вторую. Для этого во мне слишком много здравомыслия. Мой отец был ветеринаром. Из верхней одежды у него была только фуфайка. Ничего другого я на нём почему-то не видел, не замечал. И пахло от него большей частью навозом.

Я по его стопам не пошёл. Я работаю в школьной котельной кочегаром, но это суть дела не меняет. Никаких особых привилегий я не заслужил.

А Володя между тем продолжал рассуждать:

– В России счастливых людей единицы. Поверь мне. Ведь что такое Россия? Это страна вечных перемен. Сегодня в России царизм, завтра – коммунизм. Вчера – коммунизм, завтра – капитализм. А

послезавтра – вообще неизвестно, что будет... Ты сам должен знать, что не все перемены к лучшему. Иногда совсем наоборот.

– Почему, наоборот? – снова переспросил я.

– Да очень просто, – начал объяснять Володя. – Когда законы меняются каждый день – как можно построить стабильное общество? Я, например, не представляю... Так что, в лес надо уходить, строить будку. Иначе – хана! У каждого интеллигентного человека в этой стране должна быть в запасе своя будка. Теплый туалет – не обязательно, а будку на всякий случай лучше иметь. По крайней мере, на какое-то время можно будет в ней укрыться.

– От чего? – скептически переспросил я, полагая, что мы живём в открытом демократическом обществе.

– От преследований, – вкрадчивым голосом проговорил мой друг. – В России ни от чего зарекаться нельзя. Поверь. Здесь власть сегодня одна, завтра – другая. Сегодня тебя никто не слышит и не замечает. Такое впечатление, что тебя нет вовсе. А завтра вдруг, ни с того ни с сего, тебя приметят и припомнят все твои прежние выходки. Все твои дерзкие слова. И ты представить не сможешь, во что это выльется... Вот я, например, лишнего уже не болтаю, – шёпотом добавил Володя. – На всякий случай... Дома – пожалуйста. В лесу – тоже, а на людях – лучше держать язык за зубами. Кто его знает, как это всё обернется?

Когда Володя так говорит, я начинаю испытывать беспокойство. Его массивная фигура в пятнистой фуфайке внушает мне опасение. Красное и широкое лицо с маленькими тёмными глазками зарождают в душе непонятный страх. Я почти уверен, что бояться мне нечего, но почему-то чувствую странный дискомфорт. Этот человек начинает подавлять меня своей подозрительностью. Пугать скрытной тягой к роковым пророчествам.

– Вот увидишь, – шепчет он, – эта перестройка добром не закончится. Ха-ха! Вот увидишь!

К чему это его горькое и саркастическое «ха-ха», понять не могу. Мне, например, вовсе даже не смешно.

Мой отец в тридцать лет по ложному доносу попал в тюрьму и вышел из неё только перед Великой Отечественной войной плешивым и постаревшим. И мне, если честно признаться, вовсе не хочется повторять его судьбу.

– Нет. Иметь про запас тайное жилище в нашей стране – это неплохо. Во всяком случае, будет шанс какое-то время задержаться на свободе, – завершил свою мысль Володя.

Отец никогда не рассказывал о своих тюремных годах. Он ненавидел Сталина как личного врага, уважал Хрущева за решительность, но избегал крамольных разговоров на политические

темы даже внутри семьи. У него это было как инстинкт самосохранения, как табу.

Володя между тем поднялся со стула, собираясь уходить. Его внушительная фигура стала ещё значительнее. Красное лицо выражало решительность.

– Пойду. Поговорю ещё с кем-нибудь. Одному будку не построить.

– Не будку надо строить, а условия жизни менять, – почему-то выпалил я ему вдогонку.

Он остановился. Посмотрел на меня с горькой улыбкой и переспросил:

– Какие условия?

– Об...общественные.

– Ну, ты загнул. Ха-ха! Политик хренов!

– Партию надо создавать, – взяв себя в руки, парировал я.

– Партию? Ха-ха! Я будку построить не могу, а ты партию создавать собрался. Нет, это всё мечты. Утопия! – И Володя, слегка задержавшись возле порога, как-то странно и хитро сощурившись, погрозил мне своим желтоватым от никотина пальцем.

– Ишь, чего придумал! Нахал!

НЕ НА СВОЁМ МЕСТЕ

В школе я учился плохо. Мне с большим трудом давались точные науки. Например, изучая математику, я не мог понять, для чего нужно несколько тетрадных страниц заполнить странными формулами, чтобы сделать вывод о том, что первоначальное утверждение верно. Я никогда не был человеком принципиальным. Если утверждение правильно, я вполне могу принять это на веру – без доказательств. Ведь принимал же я на веру необходимость разного рода революций в нашей истории. Верю же я, что Америка наш враг, и Германия тоже враг. Что китайцы – друзья, а японцы недруги.

В лесном техникуме я учился плохо. Там нужно было изучать техническую механику, которая вызывала у меня моральное отторжение. Она чем-то напоминала мне математику. Вернее не напоминала, а как раз из этой самой математики и состояла. Я долго не мог понять, для чего нужна техническая механика в лесу? Ведь для того, чтобы вырастить дерево, надо просто взять в руки лопату, вырыть на делянке яму и это самое дерево посадить. Больше, кажется, ничего и не нужно.

После техникума я какое-то время работал мастером цеха ширпотреба в Ноябрьском лесничестве. Но мастер цеха из меня

получился плохой. Уже на второй день после моего появления на работе, лесорубы из моей бригады стали продавать лес из казенного штабеля и пить водку. Вначале я пытался противостоять этому дружному порыву, а потом решил, что это занятие бесполезное и присоединился к ним. Они с энтузиазмом одобрили мой поступок и пожалели о том, что прежний мастер был у них с принципами. Они в один голос стали уверять меня, что продажа леса из казенного штабеля – это в нынешних условиях не воровство, это вполне закономерный процесс, когда оплата труда лесоруба не соответствует его тяжести.

Через какое-то время я почувствовал, что начинаю понимать чаянья тружеников леса. И когда лесничий Редькин попытался было нашу бригаду вразумить, я первым встал на защиту рабочего класса.

– Вы и так ничего нам не платите, – закричал я, – дайте хотя бы заработать на дровах.

– На каких ещё дровах? – не понял лесничий. – Я думал, вы на свои деньги пьёте.

Члены бригады, глядя на меня, виновато заулыбались.

– Это он так пошутил, про дрова. Ну и шуточки у него!

В общем, вскоре после этого разговора я стал лесорубом. А немного позднее у меня возникало ощущение, что я снова нахожусь не на своём месте. Потому что лесоруб из меня получился плохой. Мне всё время казалось, что я заслуживаю большего, хотя вполне возможно – это было чисто умозрительное заключение.

Вскоре я убедился, что примерно те же чувства испытывали многие члены бригады. Например, Алексей Петрович, наш бессменный тракторист, когда его стали посылать на вспашку делянок под будущую посадку леса, сказал:

– На кой лесий мне это нужно?

– Но у нас план, – начал настаивать лесничий. – Посадка леса – это наша святая обязанность!

– Вот и пашите сами, если у вас план и святая обязанность! А я не буду. Трактор и так не ворочается ладом. А на пахоте я его совсем угроблю. У меня гусянка вся распадается и пакетники в заднем мосту давно хробостят...

Потом мы с вальщиком Федором Ивановичем отправлялись валить лес, и мне приходилось тащить на своём плече огромную валочную вилку. Вилка так сильно давила на плечо, что ощущение неверно выбранного пути у меня усиливалось многократно. А когда однажды я не успел вовремя отскочить в сторону от увесистого сучка, который прилетел откуда-то сверху и больно ударил меня по голове, – это стало наглядным подтверждением моих прежних выводов. Я понимал, что настоящего помощника вальщика из меня не получится, но отступать мне было уже некуда. Дальше на этом пути была только

школьная котельная, где в то время работали отпетые пьяницы и уголовные элементы...

Но мне повезло. В котельную сразу я не попал. По воле случая я оказался в бухгалтерии Хлебоприёмного предприятия. Это было то единственное место работы, куда я мог прийти в приличном костюме. Позднее такого со мной уже не случилось.

Помнится, в бухгалтерии Хлебоприёмного предприятия все мы были как родственники: бухгалтер по учёту зерна, бухгалтер по движению хлебопродуктов, главный бухгалтер, помощник бухгалтера. Между собой мы старались говорить мягкими и вежливыми голосами, обращались друг к другу на вы, льстили вышестоящему начальству.

Все работники бухгалтерии были хорошо одеты, приятно пахли и, что особенно непривычно, при разговоре они не употребляли матерных слов, к которым я успел привыкнуть, пока работал в лесу.

Первое время в бухгалтерии я занимал должность нормировщика. Моя работа заключалась в написании нарядов на определённые виды работ. При этом все наряды были очень похожи один на другой, потому что расценки за час рабочего времени не менялись несколько лет кряду и носили чисто формальный характер. Но даже эти наряды, надо честно признаться, мало меня интересовали.

Больше всего меня занимала внутренняя жизнь бухгалтерии. Климат того общества, к которому я сейчас принадлежал. А внутренняя жизнь нашей конторы характеризовалась частыми перерывами на чаепитие с пряниками и печеньем, изобиловала обменом новостями и свежими анекдотами. В ней присутствовало обсуждение прочитанных газет и увиденных кинофильмов. Внутренняя жизнь бухгалтерии была гораздо интереснее и насыщеннее той работы, к которой я имел отношение. Она обогащала меня столкновениями разного рода взглядов и тайных противоречий.

Но это продолжалось ровно до той поры, пока мне были интересны люди меня окружающие. Через какое-то время я к ним привык, я их изучил, и теперь я уже заранее знал, что ответит Анна Петровна на реплику Вероники Борисовны о том, что её муж, главный экономист предприятия, не появляется на рабочем месте второй месяц. И на самом деле, что можно было сказать о человеке, который пьёт по две недели кряду?

Хотя я его понимал. Посудите сами, что делать главному экономисту на предприятии, где нормы выработки и расценки за час рабочего времени не меняются несколько десятилетий?

Короче говоря, в конце первого года работы в бухгалтерии я уже не знал, как мне досидеть до конца рабочего дня. Вначале время стало притормаживать, потом – тянуться. С каждым днем оно продвигалось всё медленнее, а иногда вообще останавливалось. Обычно это

происходило после обеда. Я то и дело глядел на часы. Там было без четверти три. Я что-то чертил на бумаге, рисовал фигурки людей, силуэты деревьев, завитки облаков. Потом снова смотрел на часы. Там было без четверти три. Я переводил взгляд на окно. За окном шелестела листвою невысокая, но раскидистая берёза. За берёзой матово отсвечивал забор. За забором что-то пронзительно блестело. Не то лист железа, не то лужа. Я отворачивался от окна и смотрел на часы. Там было без четверти три...

В конце концов, наступил такой момент, когда время окончательно остановилось. День начинался – и никак не мог закончиться. Тогда я решил положить этому конец.

Я перешёл на работу в школьную котельную кочегаром.

Вместо костюма мне пришлось надеть пягистую тёмно-зелёную фуфайку. Надо признаться честно, фуфайка не придавала мне солидности. Вскоре дочь сказала, что я стал походить на тракториста.

Но фуфайки быстро изнашивались и когда я покупал себе новую, – мои знакомые на полном серьёзе стали спрашивать:

– Куда это ты собрался?

– Никуда, – отвечал я.

– А чего нарядился тогда?

И я с удивлением понимал, что кирзовые сапоги и старая фуфайка постепенно стали составной частью моего нынешнего образа. Поэтому новая фуфайка воспринимается окружающими как некая солидная обнова. Это удручало меня больше всего. Ведь в душе-то я был породистым интеллигентом. Этаким Полем де Леруа... Хотя, я и сейчас толком не знаю, кто это такой. Существовал ли этот человек на самом деле? Просто мне очень хочется быть похожим на человека с таким изысканным именем.

Я хотел познакомиться с Бернаром Вербером и Фредериком Бегбедером, а вместо этого в котельной местной школы мне пришлось познакомиться с Васей Рашпилем. Вася был худой седовласый мужик, который десять лет отсидел за убийство. Когда я принимал у него рабочую смену, то всегда с опаской поглядывал на его правую руку. Нет ли там чего? А когда он нарезал при мне хлеб или сало своим обычным тесаком, который почему-то носил в голенище правого сапога, – у меня тоскливо замирала душа.

Хотя Вася Рашпиль оказался вполне приличным человеком. Он своими руками построил дом из бруса и научился сваривать из железа какие-то странные, непонятно для чего предназначенные конструкции. Должно быть, он был конструктивистом по натуре, но до конца этого не понимал.

Возле дома Вася возвёл обширные хлевы. Потом с большим энтузиазмом принялся копать колодец. Но до воды докопать его не успел. Это Васю и спасло...

А произошло вот что. Как-то в одну из тёмных осенних ночей, когда в дальнем конце Красноярьска страшным голосом выла собака местного ветеринара, Вася проходил мимо недокопанного колодца слегка пьяный. Как водится, его немного повело в сторону, потом ещё повело и вдруг куда-то опрокинуло...

Очнулся он уже на дне колодца на следующий день после злополучного происшествия. Было ещё темно. Вася стал ощупью определять свое местонахождение. И в какой-то момент его охватил ужас. Ему показалось, что он на кладбище – в могиле... Вася стал громко сетовать на судьбу, кричать и материться.

В конце концов его из колодца вытащили...

Другим моим напарником по работе был Коля Витлинский – небольшой коренастый мужик с рыжими усами. Отличительной чертой его было то, что он приходил на работу в костюме немецкого полица. А когда я сказал ему об этом – он очень удивился. Посерьёзней и стал оправдываться. Уверял, что ничего об этом не знал. Оказывается, его мать ездила когда-то в гости на Украину и там по дешёвке приобрела хороший суконный костюм с накладными карманами. Ничего не подозревающий Коля этот костюм носил, относился к нему бережно и аккуратно, как к вещи сравнительно дорогой.

Однажды мы с Колей немного выпили и костюм полица спалили в топке угольного котла, чтобы не мозолил глаза. Горел он плохо, но когда окончательно превратился в золу, Коля огорчённо произнёс:

– А может быть, не надо было его сжигать? Перешить, да носить. Сукно-то на нём было хорошее.

– Нацизм не перелицуешь! – многозначительно изрёк я.

– Пожалуй, ты и прав, – согласился Коля. – Туда ему и дорога...

Когда закончился отопительный сезон, мы с Колей на всё лето остались без работы. Стали искать разного рода шабашки. И как это ни странно, быстро их находили. Мы красили в школе полы и белили стены, ремонтировали заборы и убирали строительный мусор, кололи дрова и перекапывали гряды...

И тут вдруг я снова почувствовал, что нахожусь не на своём месте. Я настолько остро это ощутил, что пошёл к директору школы и написал заявление на увольнение.

Позднее я узнал, что Коля Витлинский после моего ухода сильно запил. Его пьянство усугубилось пристрастием к самогонварению.

Вместе со своим новым другом они пили вонючий самогон несколько дней. А на пятый день беспробудной пьяники Коля в раздумье почесал за ухом. С его головы что-то упало. Коля посмотрел

на стол перед собой и увидел там мёртвого клеща. Клещ напился Колиной крови и погиб, а Коля пьянствовал ещё три дня и рассказывал всем, что его организм легко перерабатывает любую отраву, от которой мелкая тварь умирает мгновенно...

Сейчас я работаю лесником в Красноярском лесничестве. Когда из лесничества мне никто не звонит, и никто ни о чём меня не просит – я чувствую, что нахожусь на своём месте. А когда в лесхозе начинается посадка леса или очистка делянок, когда моя спина в поту, а руки гудят от напряжения – я остро ощущаю, что эта работа не для меня. Во мне просыпается подзабытый породистый интеллигент Поль де Леруа. И я не знаю, куда мне направить свои стопы. Где оно моё место?

Кирилл Василёнок. «труба.с клапанами.без мундштука».